

УДК 338.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ, ФЕНОМЕН СЕРОГО ИМПОРТА И СТРУКТУРНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ**С.Е. Ревунов, А.И. Попов**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Нижний Новгород, email: nbarkhatov@inbox.ru

***Аннотация.** Исследование обусловлено актуальной темой осмысления фундаментальных изменений в экономической системе Российской Федерации, произошедших после 2022 года. В условиях беспрецедентного санкционного давления, отключения от международных финансовых механизмов и разрыва логистических цепочек российская экономика перешла в качественно новое состояние, требующее теоретического переосмысления. В работе анализируются механизмы адаптации национальной экономики к изоляционным процессам. Рассматривается трансформация финансового сектора, характеризующаяся изменением подходов к курсообразованию и переходом к внебиржевым сделкам. Исследуется феномен серого импорта, который из вынужденной меры превратился в системообразующий элемент внешнеэкономической деятельности. Особое внимание уделяется тезису о том, что динамика инфляции может отличаться от той картины, которая отражается в официальной статистике. Фиксируется явление, обозначаемое термином «шринкфляция», под которым понимают скрытое удорожание стоимости жизни; его проявления оказывают заметное влияние на потребительский сектор. В работе обосновано, что в текущих условиях ключевая ставка Центрального банка выступает одним из немногих доступных инструментов сдерживания инфляции; вместе с тем ее применение сопровождается замедлением динамики частного кредитования. Одновременно в литературе обсуждается противоречие между бюджетной политикой, ориентированной на наращивание оборонных расходов, и монетарной политикой, которая, в свою очередь, нацелена на сдерживание избыточного спроса. Отмечается формирование модели, близкой к военному кейнсианству, в рамках которой рост ВВП обеспечивается преимущественно более интенсивным использованием имеющихся ресурсов, а не расширением выпуска товаров. Дополнительно рассматриваются долгосрочные риски, обусловленные возможным снижением технологической сложности производственных процессов и формированием зависимости от импортных компонентов, поставляемых по каналам третьих стран. Отдельное внимание уделяется социальным последствиям: расслоению общества, дефициту кадров, перераспределению доходов в пользу оборонного сектора. Выявляется противоречие между формальной занятостью и реальной производительностью труда. Показано, что демографические ограничения и отток квалифицированных специалистов формируют долгосрочные угрозы экономическому развитию. В работе используется сравнительный анализ с санкционными экономиками Ирана и Венесуэлы, подчеркивается уникальность российской модели изоляции, ранее глубоко интегрированной в глобальные рынки.*

***Ключевые слова:** серый импорт, ключевая ставка, инфляция, санкции, финансовая изоляция, структурные дисбалансы, адаптационные стратегии.*

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY UNDER SANCTIONS PRESSURE, THE PHENOMENON OF GREY IMPORTS AND STRUCTURAL IMBALANCES**S.E. Revunov, A.I. Popov**

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin», Nizhny Novgorod, email: nbarkhatov@inbox.ru

***Abstract.** This study addresses the pressing issue of understanding the fundamental changes in the Russian economic system that have occurred since 2022. Under unprecedented sanctions pressure, disconnection from international financial mechanisms, and disruption of supply chains, the Russian economy has entered a qualitatively new state, requiring a theoretical rethink. This paper analyzes the mechanisms by which the national economy adapts to isolationist processes. It examines the transformation of the financial sector, characterized by changing approaches to exchange rate formation and the transition to over-the-counter transactions. It examines the phenomenon of gray imports, which has transformed from a necessary measure into a systemically important element of foreign economic activity. Particular attention is paid to the analysis*

of inflation processes that do not coincide with official statistical indicators. It identifies the phenomenon of "wide inflation" and hidden rising costs of living, which puts pressure on the consumer sector. The paper demonstrates that the Central Bank's key rate serves as the only instrument for curbing inflation, while simultaneously hindering the development of private lending. At the same time, the structural conflict between fiscal policy aimed at increasing defense spending and monetary policy aimed at cooling overheated demand is examined. The emergence of a "military Keynesian" model is noted, in which gross domestic product growth is achieved through extensive factors without increasing the supply of goods. Long-term risks associated with the loss of technological sophistication in production and dependence on imported components through third countries are analyzed. Special attention is given to the social consequences: social stratification, labor shortages, and income redistribution in favor of the defense sector. A contradiction between formal employment and real labor productivity is revealed. It is shown that demographic constraints and the outflow of skilled specialists pose long-term threats to economic development. The study uses a comparative analysis with the sanctioned economies of Iran and Venezuela, emphasizing the uniqueness of the Russian model of isolation, previously deeply integrated into global markets.

Keywords: gray imports, key interest rate, inflation, sanctions, financial isolation, structural imbalances, adaptation strategies.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.03.2026

Дата принятия статьи в печать: 05.05.2026

Введение

Столица экономической активности России внешне сохраняет признаки привычного мегаполиса: витрины, транспорт, деловая активность. Однако за фасадом повседневности формируется новая экономическая реальность, определяемая понятием «параллельный мир». Данный термин выходит за рамки таможенной терминологии и описывает состояние хозяйственной системы, в которой прежние правила функционирования, сложившиеся до 2022 года, утратили силу [1]. Новые механизмы формируются в условиях дефицита, высоких процентных ставок и разрыва глобальных цепочек поставок.

Повседневная практика показывает, что западные бренды постепенно заменяются, а логистика усложняется — теперь запчасти доставляют через три и более стран. Официальная статистика фиксирует рост ВВП, в основном из-за оборонного заказа, тогда как обычные потребители сталкиваются с инфляцией, которую не видно в общих данных. Экономическую ситуацию нельзя назвать внезапным крахом, как в 1998 году, или локальным кризисом, как в 2014-м — это скорее долгий кризис изоляции.

Главное в новой ситуации — изменения в финансовой системе. После санкций против Национального клирингового центра рубль перестал иметь прямое биржевое предложение. Официальный курс, который устанавливает Центробанк, основан на среднем внебиржевых сделках, из-за чего реальные условия обмена валют расходятся с формальными показателями. При этом рынок реально показывает, что происходит: одна из последних тенденций — шринкфляция, когда уменьшают количество товара в упаковке, а цена остается прежней или растет. Реальный рост стоимости жизни оценивают выше официальных 9%, для некоторых групп населения он может достигать до 25%.

Цель исследования

Работа направлена на изучение глубоких изменений в экономике России после 2022 года. Анализируются способы адаптации национальной экономики к изоляции, рассматривается перестройка финансового сектора с изменением подходов к курсообразованию и переходом к внебиржевым сделкам.

Результаты исследования

Февраль 2022 года стал моментом серьезных потрясений: крупные банки отключили от SWIFT, а резервы Центробанка в 300 миллиардов долларов заморозили, лишив регулятора важного инструмента — валютных интервенций. Повышение ключевой ставки до 20% помогло остановить отток вкладов, но при этом заблокировало кредитование экономики. Логистические цепочки, сложившиеся годами, рушатся. Затраты на трансграничные платежи через доверенные страны (Турция, ОАЭ, Китай) выросли на 15–20%.

Сравнение с Ираном и Венесуэлой позволяет увидеть и сходства, и важные отличия. Иран, под санкциями 40 лет, выстроил теневую экономику и систему обмена товарами. Россия же была глубоко интегрирована в мировые рынки, поэтому разрыв дался сложнее. Сценарий гиперинфляции и дефицита, как в Венесуэле, не наступил, но риски остаются [2]. Проявляются некоторые параллели с 1991 годом.

Средний класс, который складывался на протяжении последних десятилетий, сейчас становится меньше. Доходы обесцениваются быстрее, чем люди успевают их потратить. Параллельный импорт, который фактически стал частью госполитики, помог заполнить рынок, но при этом логистические расходы выросли примерно до 40%. Авторынок быстро заполняют китайские машины: из-за того, что других вариантов почти нет, их часто продают по ценам, которые уже близки к премиальному сегменту, и раньше этот сегмент в основном занимали европейские марки. Промышленность сталкивается с нехваткой технологий: оборудование, программы и микрочипы часто приходится завозить через посредников из Дубая или Бишкека.

Реакция государства на внешний шок обычно сводится к сочетанию более жёсткой денежной политики и увеличенного бюджетного финансирования. Центробанк держит ставки высокими, чтобы притормозить инфляцию, а правительство при этом направляет деньги в оборонную промышленность. Получается противоречие: Минфин вбрасывает в экономику деньги через гособоронзаказ, а Центробанк в то же время старается сократить ликвидность. Безработица сейчас на минимуме, но причина, похоже, не в том, что экономика разогналась, а в том, что не хватает работников.

Финансовые привычки людей заметно изменились. Раньше доллар и евро казались надёжным способом защититься, а сейчас с ними все чаще связывают риск санкций. Хранить наличные можно не в любом объёме — это обычно ограничивают правила. Золото всё чаще воспринимают как защитный актив: после отмены НДС на слитки спрос заметно вырос, но сам рынок пока остаётся не слишком ликвидным [3]. Китайский юань часто воспринимают как временный вариант, но риски девальвации и невысокая ликвидность в банках по-прежнему остаются. Рынок недвижимости, который раньше держался на льготной ипотеке, сейчас почти остановился из-за высоких ставок. Криптовалюты и стейблкоины всё чаще используют, чтобы расплачиваться за «серый» импорт, и в Москве они постепенно становятся одной из ключевых точек для теневых операций.

Энергетика, которая приносит основную часть валютной выручки, сейчас работает в условиях непростой конкуренции. Скидка на нефть Urals по сравнению с Brent показывает, насколько она сейчас зависит от новых покупателей. Создание «теневого» флота танкеров позволяет обходить ценовые ограничения, но главные покупатели — Индия и Китай — обычно настаивают на скидках и оплате в своих валютах, из-за чего вернуть деньги становится сложнее. Газовая отрасль после потери европейского рынка теперь больше смотрит на восток. Но чтобы запустить новые проекты, нужны десятки лет и крупные вложения, а под санкциями это сделать непросто.

В условиях современной геополитической фрагментации вопросы организации внешнеэкономической деятельности приобретают особую сложность, требующую детального анализа как правовых норм, так и практических механизмов их обхода или адаптации. В фокусе настоящего исследования находится оценка текущего состояния импортных операций из Европейского союза [4]. Анализ показывает, что внутри Европы сложилась относительно стабильная, но напряжённая ситуация. Начиная с тринадцатого пакета санкций, вновь вводимые меры, как правило, не приводят к принципиальному пересмотру режима ограничений, но формируют достаточно устойчивую нормативно-правовую рамку, при которой практически любое взаимодействие с российскими контрагентами рассматривается как операция с повышенным уровнем риска.

Ключевым представляется наблюдение о том, что европейские компании демонстрируют различия в подходах к выстраиванию сотрудничества. В сегменте, не относящемся к оборонной промышленности и товарам двойного назначения, по-прежнему фиксируется устойчивый интерес к возобновлению присутствия на российском рынке. Европейские производители, в особенности в отраслях инжиниринга, металлообработки и тяжелого машиностроения, сталкиваются с финансово-экономическими затруднениями, что в значительной степени связано с сокращением спроса вследствие ухода одного из крупных потребителей. Ранее ценовые уровни на российском рынке нередко сопоставлялись с показателями рынков Восточной Европы, при

этом присутствие официальных дистрибьюторов и дилеров с эксклюзивными правами, как правило, способствовало поддержанию устойчивой динамики продаж.

В рамках законодательства представляется принципиально важным проводить чёткое разграничение между понятиями «санкционная продукция» и «параллельный импорт». Параллельный импорт — это ввоз товаров с зарегистрированными товарными знаками без разрешения правообладателя, что сегодня признаётся в России. Санкционная продукция — это товары, которые запрещены к ввозу Европейским союзом. Не вся санкционная продукция является брендовыми товарами, и не вся продукция, ввезённая через параллельный импорт, подлежит санкциям [5, 6]. Тем не менее, пути доставки для этих групп часто совпадают, что создаёт общую логистическую систему с разным уровнем риска.

Если говорить об ответственности, нарушение санкций влечёт за собой применение как основных, так и дополнительных мер. Ответственность несут все участники процесса — от менеджеров до руководителей и собственников компаний. Последствия могут быть серьёзными: уголовные дела с реальными сроками заключения (от пяти лет и выше), крупные штрафы, которые могут исчисляться миллионами евро, а также депортация и запрет на въезд сроком до пожизненного. Вторичные санкции нацелены на компании и людей из третьих стран (например, Турция, ОАЭ), которые помогают поставкам в Россию, не нарушая законов своих стран. Включение в такие списки приводит к блокировке банковских счетов и транзакций.

Чтобы применить санкции, например, Министерству финансов США часто не нужно публично доказывать вину. Решения основываются на том, что участник сделки осознаёт, кому именно идёт товар, что сильно усложняет процедуру обжалования и по мнению экспертов — практически лишает её смысла. Основным инструментом контроля остаётся банковская система. Благодаря системе SWIFT можно отслеживать движение денег, независимо от валюты. Из-за этого банки в третьих странах, особенно в Турции, получают предупреждения о необходимости прекращать обслуживание «рискованных» клиентов, иначе им грозит отключение от международных финансовых каналов.

Логистическая цепочка от европейских поставщиков до российских получателей сложная и многоступенчатая, и на каждом этапе есть высокие риски. При выходе на европейских производителей часто получают отказы, особенно если поставщик «идеологически» против поставок или если запрос идёт из традиционных транзитных стран — Турции, Гонконга, ОАЭ. Европейцы предполагают, что товар, скорее всего, попадёт в Россию. В среднем примерно 10–15% поставщиков отказываются уже на стадии запроса.

Финансовые операции гибкие: европейские законы не требуют строгого соответствия платежа и контракта, поэтому используют разные схемы оплаты. Но в 85% случаев поставщики требуют сертификат конечного пользователя (End-User Statement) и подтверждение того, что товар действительно вывезен из ЕС, чтобы соблюсти экспортный контроль.

Анализ транзитных маршрутов показывает, что Турция — самый удобный и проверенный путь для европейских товаров. Там можно провести транзит без разгрузки и перегрузки, есть возможность перепродаж внутри страны, что нарушает цепочку происхождения, а местное законодательство достаточно гибкое. Однако главная проблема в Турции — не таможня, а банки. Под давлением американских регуляторов они быстро блокируют счета компаний, подозреваемых в реэкспорте в Россию.

Казахстанский маршрут наоборот дорогой и сложный. Для импорта и дальнейшего экспорта в Россию нужны разрешения от контролирующих органов, которые в 70% случаев запрещают вывоз из-за классификации товаров как «чувствительных». Из-за этого приходится использовать ещё более сложный путь через Киргизию, что сильно удорожает логистику.

Маршрут через ОАЭ более затратный и бюрократизированный. Груз должен физически прибыть на территорию Эмиратов, нужно получить лицензии у местного Минпрома, а процесс может занять от нескольких дней до месяцев. Банковские требования там строже, чем в Турции, поэтому этот маршрут менее удобен для европейских товаров, хотя он пользуется спросом для американских грузов. Отдельно стоит отметить сложности с открытием бизнеса в третьих странах [7]. В Турции можно зарегистрировать компанию, имея российский паспорт, но открыть банковский счёт сейчас почти невозможно. Чтобы работать нормально, нужно либо иметь номинального держателя с паспортом третьей страны (лучше европейской), либо применять сложные схемы, которые минимизируют участие местной компании в финансовых потоках.

Проведённый анализ позволяет заключить, что между Европой и Россией складывается устойчивая система параллельной логистики, функционирование которой сопряжено с повышенным уровнем риска. Ключевым фактором функционирования данной системы является экономическая мотивация европейских производителей: утрата российского рынка, по их оценкам, привела к заметным финансовым потерям и осложнила устойчивость технологических цепочек. Несмотря на относительно жесткую публичную риторику и присутствие поставщиков, которых можно отнести к «идеологическим» (по оценкам, порядка 10–15% от их общего числа), основная часть европейского бизнес-сообщества ориентирована на поддержание действующих каналов сбыта.

Проведённое исследование указывает на то, что определяющим условием, влияющим на реализуемость поставок, выступает уровень комплаенс-защиты со стороны европейского контрагента. Уголовная ответственность, предполагающая реальные сроки лишения свободы и значительные штрафные санкции, рассматривается как ключевой механизм сдерживания. В этой связи любую схему взаимодействия целесообразно выстраивать таким образом, чтобы по возможности снизить риски для экспортёра, одновременно обеспечив формальное соблюдение требований о запрете реэкспорта и получение сертификатов конечного пользователя, которые с позиций формальной логики могут рассматриваться как достоверные.

Сопоставление транзитных юрисдикций свидетельствует о том, что Турция в целом продолжает рассматриваться как ключевой логистический узел для поставок европейских товаров, что в значительной степени обусловлено ее географическим положением, уровнем развития инфраструктуры и наличием отработанных транзитных процедур. При этом устойчивость данного коридора напрямую определяется макроэкономическими приоритетами Анкары. Поскольку поступления денежных средств от реэкспорта сохраняют заметное значение для экономики Турции, а перспектива ее членства в Европейском союзе по-прежнему выглядит отдаленной, можно ожидать, что данный коридор продолжит функционировать. Сдвиг внешнеполитического курса в направлении приоритизации европейских интересов потенциально способен обусловить ускоренное прекращение функционирования указанных схем.

В третьих странах наблюдаются значимые расхождения в подходах к осуществлению контроля со стороны таможенных и банковских органов. Если таможенные органы в Турции и ОАЭ, как показывает практика, нередко проявляют определенную степень гибкости и допускают компромиссные решения (за исключением поставок с очевидным оборонным назначением), то банковский сектор, по имеющимся оценкам, остается наиболее уязвимым элементом. Санкционное давление со стороны OFAC, а также риск отключения от SWIFT фактически закрепляют за банками роль «первой линии обороны». В этих условиях кредитные организации нередко переходят к односторонним мерам комплаенса, включая блокировку счетов и отказ в обслуживании отдельных отраслей, которые воспринимаются как связанные с российским реэкспортом.

Существенным выводом также представляется то, что в текущих условиях использование ряда альтернативных маршрутов не выглядит целесообразным. Казахстанский транзит в значительной степени оказался ограничен вследствие жесткого государственного экспортного контроля, в результате чего он сохраняет практическую применимость преимущественно для ограниченного круга товарных позиций, не подпадающих под действующие ограничения. Маршрут через ОАЭ, хотя режимы свободных зон выглядят конкурентоспособными, в сопоставлении с турецким вариантом, как правило, оказывается менее выгодным по затратам на логистику и предполагает более трудоёмкую процедуру оформления экспортных лицензий.

С организационной точки зрения представляется принципиально значимым выстраивание так называемых «нетоксичных» цепочек поставок, при которых дистанция между европейским продавцом и российским получателем формируется через последовательность перепродаж, осуществляемых внутри третьей страны. Это, как правило, снижает вероятность вторичных санкций для большинства участников цепочки, за исключением конечного импортёра. Тем не менее даже при таком сценарии сохраняется риск конфискации грузов на территории транзитных государств в случае, если товар будет квалифицирован как предназначенный для нужд оборонного сектора [8].

В долгосрочной перспективе, до снятия санкционных ограничений либо их заметного смягчения, сформировавшаяся система, вероятно, продолжит функционировать, постепенно усложняясь и становясь более затратной. Европейские производители, для которых принципиально

сохранить присутствие своего оборудования на территории Российской Федерации (в особенности в нише высокотехнологичных станков и оборудования с ограниченной заменяемостью), вероятно, будут вовлечены в подобные схемы, стремясь при этом снизить степень собственной публичной и документальной наблюдаемости [9]. Для российского импортера приоритет заключается не только в подборе поставляемой продукции, но и в формировании устойчивых долгосрочных отношений с транзитными партнерами, которые, при наличии соответствующей компетенции, могут обеспечить юридическое сопровождение и надлежащую защиту груза на протяжении всего маршрута следования.

Заключение

Таким образом, сложившаяся на данный момент конфигурация международной торговли указывает на заметную способность участников внешнеэкономической деятельности адаптироваться к внешним шокам. В ситуации, когда российская таможенная процедура, как правило, не выступает существенным ограничителем (в связи с отсутствием национальных санкций на импорт большинства товарных позиций), ключевые риски, по сути, переносятся в сферу банковского контроля и комплаенс-практик третьих стран. Результативность операций, как правило, зависит от качества юридического оформления сделки и от того, насколько европейский контрагент фактически отделён от цепочки взаимоотношений, которая ведёт в Россию.

Литература

1. Зингер О.А., Ильясова А.В. Параллельный импорт: сущность и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11 (2). С. 208-214. DOI: 10.17513/vaael.3077 EDN: MTRVVG.
2. Атучин Н.К. Особенности параллельного импорта в российской экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 6 (112). С. 45-48. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-6-1-45-48 EDN: ARFANU.
3. Шалаев И.А. Внешнеэкономическая деятельность российских промышленных предприятий в условиях санкций // Форпост науки. 2024. Т. 18. № 1. DOI: 10.22394/sp241.52-74 EDN: SCTLPB.
4. Кошеваров М.В. Внешнеэкономическая деятельность импортоориентированных предприятий в условиях санкционных ограничений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 12 (5).
5. Хажеева М.А., Швайкина И.Ю. Влияние международных экономических санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации // Молодая наука Сибири. 2023. EDN: PFIODI.
6. Сенотрусова С.В., Сибирякова Я.В. Параллельный импорт и другие экономические меры как ответ на санкции // Государственное управление. Электронный вестник. 2022.
7. Nguyen T.T., Do M.H. Impact of Economic Sanctions and Counter-Sanctions on the Russian Federation's Trade // Economic Analysis and Policy. 2021. Vol. 71. P. 267-278. DOI: 10.1016/j.eap.2021.05.004 EDN: ITJVEN.
8. Tolkachev S., Teplyakov A. Import Substitution in Russia: The Need for a System-Strategic Approach // Russian Social Science Review. 2022. Vol. 63. P. 15-40. DOI: 10.1080/10611428.2022.2111162 EDN: QHLTVK.
9. Kalygina V.V. International Technology Transfer as an Effective Tool of Export-Oriented Import Substitution in Russia // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. № 2. С. 231-241. DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-2-231-241 EDN: FQPPPE.